

АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА С ПОДРОСТКОМ КРУПНЫМ ПЛАНом (ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

А.В. СОРИН*,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, sorintowa@list.ru

Представлено описание трех сессий психоаналитического консультирования подростка с симптомами пограничного расстройства личности. Пограничное расстройство личности рассматривается как самостоятельный синдром, отличающийся специфическим психосоциогенезом и требующий определенных стратегий оказания психологической помощи. Представлены характеристики этого синдрома и описание связанных с ним механизмов психологической защиты. Исходя из цели — улучшение качества адаптации клиента к реальности, нетождественной опыту, полученному в семье, определены стратегия, тактика и техника консультативной работы. В качестве теоретической основы консультативной работы выступает теория объектных отношений; идея контейнирования рассматривается как определяющая в преодолении примитивных защит и восстановлении целостного восприятия реальности пограничной личностью.

Ключевые слова: подростки, пограничное расстройство личности, аналитическая работа, теория объектных отношений, защитные механизмы.

Для цитаты:

Сорин А.В. Аналитическая работа с подростком крупным планом (тематическое исследование) // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 1. С. 130—150. doi: 10.17759/cpp.20162401009

* Сорин Антон Валентинович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, sorintowa@list.ru

Введение

В профессиональных периодических изданиях и практикоориентированных монографиях недавнего времени ведется активное обсуждение различных психологических теорий и методов. Нередко встречаются статьи, посвященные как анализу частных случаев и их обобщению, так и возможным подходам к решению клиентских проблем. И то и другое, безусловно, очень важно. Но не менее важно обратиться и к детальному техническому анализу работы психолога-консультанта¹ «шаг за шагом». Как правило, такой анализ остается за скобками психологической печати и реализуется исключительно в рамках института супервизии. Но тот факт, что выполненные в этом жанре работы прочно занимают место среди настольных книг многих практикующих психологов-консультантов, говорит об их большом практическом и дидактическом потенциале [2; 10]. В статье представлено краткое описание запроса, анамнеза, модели психосоциогенеза проблемы клиента, выработанной стратегии работы и подробный развернутый анализ трех последовательных сессий².

Клиент и формат работы

Клиент Е., девятнадцатилетняя девушка, обратилась за психологической помощью, написав электронное письмо на почтовый ящик психологического центра. В письме она очень точно и подробно сформулировала свой *запрос*: «... я разрушаю свои отношения с очень важным для меня человеком, так как постоянно проецирую на них свою семейную ситуацию, и даже понимая умом, что творю что-то нехорошее, не осознаю этого от кишок и продолжаю делать то, что делала...».

Е. — единственный ребенок в полной семье — родилась и выросла в большом провинциальном городе. Серьезных соматических травм, плановых хирургических вмешательств, хронических заболеваний или острых аллергических реакций в анамнезе нет.

Отец — образованный, достаточно финансово состоятельный предприниматель. В отношении Е. был требовательным и скупым на похвалу, постоянно сравнивал дочь с ее матерью, подчеркивая, что она

¹ Я придерживаюсь мнения, что употреблять в своем отношении термин «психотерапевт» может только специалист с высшим медицинским образованием. В противном случае уместно определять свою профессиональную идентичность как «психолог-консультант» и говорить, соответственно, о работе с клиентами, а не пациентами.

² Согласие клиента на публикацию материалов сессий было получено при условии сохранения анонимности.

никогда не сможет быть ни в чем так же хороша. Мать — врач, специализирующийся на косметологии и пластической хирургии. Злоупотребляет спиртным. В состоянии алкогольного опьянения агрессивна и сексуально расторможена (со слов Е., мать неоднократно осуществляла по отношению к ней действия сексуального характера). Родители не раз собирались разводиться, это сопровождалось скандалами и взаимными побоями. Воспитанием Е. занималась в основном няня.

О своем раннем детстве Е. практически ничего не помнит. Она посещала детский сад, где никаких выраженных проблем не было; своевременно пошла в школу, училась хорошо особенно по гуманитарным дисциплинам. Отношения с учителями и одноклассниками всегда были неровными. В 14 лет Е. впервые влюбилась, но ее возлюбленный скоропостижно скончался. В 15 лет Е. глубоко порезала себе предплечья, и мать, заметив это, отвела ее на консультацию к психиатру. Е. помнит только, что врач «требовал от нее перестать наносить себе порезы, угрожая госпитализацией в психиатрическую больницу». В 16 лет Е. «пыталась повеситься, но неудачно». Родители попытки самоубийства дочери не заметили.

К моменту обращения Е. второй год училась за границей. Она планирует получить образование в области искусства и строит большие планы в отношении будущей профессии. Поводом для обращения за психологической консультацией послужило обвинение отца в том, что из-за ее неподобающего поведения мать расстроилась, и будучи в алкогольном опьянении упала с лестницы, получив серьезную травму головы.

Особенности консультативной работы определялись тем, что большую часть времени Е. находилась за рубежом. Сессии проходили один раз в неделю в формате онлайн консультирования (Skype). Такой формат консультативной работы отличается определенной спецификой, ставшей предметом пристального научного интереса многих психологов [9], однако ее обсуждение выходит за рамки содержания этой статьи.

Психологический диагноз и модель психосоциогенеза проблемы

Относя Е. к старшему подростковому возрасту, что представляется положением дискуссионным, автор исходит из ее собственного восприятия себя как подростка (из письма Е.: «Наверное, я к вам и решила обратиться ... из-за проблемы, которая должно быть есть у 99.9 % подростков...») и опирается на работы, посвященные развитию ребенка, в которых с учетом современных исследований границы подросткового возраста расширены вплоть до 23-х лет [24].

В отношении Е. наиболее уместно использовать психологический диагноз «пограничное расстройство личности» (ПРЛ). Автор придерживается

понимания ПРЛ не как промежуточного между невротическим и психотическим уровнями «тяжести» психических расстройств [8; 3; 11]. Такой подход, получивший широкое распространение в психологии, представляется внутренне противоречивым. Разница между невротическими и психотическими состояниями является скорее качественной, а разделение геноза уровня функционирования психики и его содержания не кажется правомерным. Более обосновано понимание пограничного расстройства личности как самостоятельного типа патологии. Именно такое понимание следует из структуры МКБ-10, в которой ПРЛ является подвидом эмоционально неустойчивого расстройства личности (F60.31) и характеризуется ригидными, неадаптивными и проявляющимися в широком диапазоне ситуаций:

- 1) эмоциональной неустойчивостью и импульсивностью действий;
- 2) искажениями или неопределенностью образа «Я», намерений, целеполагания и внутренних предпочтений;
- 3) склонностью вовлекаться в интенсивные и нестабильные взаимоотношения, которые часто приводят к эмоциональным кризисам;
- 4) чрезмерными усилиями, направленными на избегание уединения;
- 5) хроническим чувством опустошенности;
- 6) периодическими угрозами и актами самоповреждения, множественными малоопасными суицидальными попытками и, в редких случаях, опасными попытками суицида, приписываемыми депрессии [12].

Перейдем от описания внешних проявлений ПРЛ к модели происходящего с клиентом, используя положения теории объектных отношений. Взаимоотношения Е. с родителями (в первую очередь с матерью) на протяжении всего детства не позволили ей должным образом преодолеть параноидно-шизоидную позицию. Пространство объектных отношений Е. наполнено страхом преследования, вторжения, наказания. Соответственно, Е. прибегает к типичным защитам, характерным для ранних этапов развития «Я»³: *расщепление и идеализация, отрицание внутренней и внешней реальности и подавление эмоций*. Также, она активно прибегает к *интроекции* и *проекции*, лежащим в основе самой природы объектных отношений [4; 5; 6; 7].

Синтез любимых и ненавистных аспектов целостного объекта для Е. недоступен (а значит, невозможно и достижение депрессивной позиции, которой принадлежит центральная роль в раннем развитии ребенка, согласно теории объектных отношений). Она воспринимает людей, отношения и жизненные ситуации как нечто однозначно хорошее или однозначно пло-

³ Говоря о защитных механизмах личности, на мой взгляд, имеет смысл рассматривать их как целостно функционирующую систему так как, во-первых, для каждого человека характерен некоторый репертуар защит; а во-вторых, применение одних защитных механизмов требует применения других, т. е. они связаны генетически.

хое. Так же Е. относится и к себе. Отсутствие полутонов в отношениях оборачивается колебаниями эмоций и импульсивностью действий.

Отсутствие целостного восприятия реальности приводит к тому, что некоторые внешние и внутренние объекты идеализируются (например, няня), другие — демонизируются (например, мать и все, что имеет к ней отношение, в частности, собственное тело). Идеализация и демонизация людей оборачивается склонностью к краткосрочным эмоционально насыщенным отношениям и тяжелым переживаниям их завершения. В отношении себя этот механизм приводит, с одной стороны, к большим амбициям в области будущей профессии; с другой — к самоповреждениям и деструктивным фантазиям в отношении собственного «Я».

Поляризация восприятия себя и реальности приводит к тому, что значительные фрагменты личного опыта Е. отчуждаются, не вписываясь в образ устройства мира. Наиболее ярко это выражается в постоянных сомнениях в правдивости собственных воспоминаний, провоцирующих фрагментарность и неустойчивость образа «Я». Значительная часть отчужденного опыта связана с эмоциональными переживаниями (в первую очередь, с агрессией в отношении матери, проявить которую Е. не может себе позволить из страха преследования и наказания), как следствие, она подавляет эмоции в своей повседневной жизни. Она часто говорит о том, что ничего не чувствует или чувствует пустоту.

Отчужденные фрагменты «Я» и подавленные эмоции (прежде всего злость) нуждаются в пространстве, и Е. проецирует их на мир, людей и отношения. Образующиеся в «Я» пустоты Е. заполняет помещенными внутрь частями реальных объектов, интроецируя, в частности, преследующий и вторгающийся материнский объект, который и стремится уничтожить. Таким образом, параллельное функционирование проекции и интроекции предопределяет фантазии Е. о нападении на нее незнакомых людей, увлечение сексуальными темами садистического и мазохистического содержания, нанесение себе порезов и попытку самоубийства.

Стратегия и тактика консультативной работы

Во многих медицинских и психологических работах в качестве основного и наиболее эффективного подхода к коррекции ПРЛ рассматривается работа с психологом или психотерапевтом, при этом медикаментозное лечение рекомендовано для коррекции различных сопутствующих ПРЛ симптомов [17; 18; 20; 21; 22; 26]. Многие авторы акцентируют внимание на том, что в процессе работы с ПРЛ наиболее сложной для психолога задачей является создание и поддержание отношений в рамках рабочего альянса, которое обеспечивает значительную часть успеха. Ни в коей мере не отрицая

важности обозначенной проблемы, полагаю, что не меньшего внимания заслуживает соотношение содержательной, динамической и структурной составляющих психологической работы. Часто содержание психического пространства клиентов с ПРЛ является невероятно ярким и захватывающим. Такие клиенты рассказывают впечатляющие и увлекательные истории, которые хочется выслушивать, анализировать и интерпретировать. Но часто именно это богатое образами и символами содержание важно на время оставить за скобками консультативной работы, уделив большее внимание динамическим аспектам взаимоотношения клиента с аналитиком, миром и самим собой. Именно в этих динамических компонентах скрывается суть состояния таких клиентов, в то время как конкретное содержание их психологической жизни может быть не очень информативно, изменчиво и не связано с «истинным Я» (в понимании Д.В. Винникотта).

Основная цель работы с Е. заключалась в улучшении качества ее адаптации к реальности, нетождественной опыту, полученному в семье. Для достижения этой цели требовалось преодолеть защитные механизмы Е. и тем самым трансформировать ее восприятие реальности.

Преодоление *расщепления* — синтез любимых и ненавистных аспектов целостного объекта — может быть осуществлено в процессе интроекции целостного объекта, каковым может стать психолог, наделенный как удовлетворяющей, так и фрустрирующей частями. Преодоление *идеализации* и *демонизации*, основанных на расщеплении, предполагает обсуждение значимых для Е. людей не как ее внутренних объектов, а как реальных, автономных субъектов, наделенных как положительными, так и отрицательными качествами. Для того чтобы перестать *подавлять свои эмоции* Е. необходимо пережить опыт отношения к ним как к чему-то уместному и необходимому. Для этого психолог должен видеть эмоции Е., идентифицировать их и обозначать (сама Е. очень емко говорит об этом так: «Мне необходимо, чтобы Вы сейчас говорили, так как все внутри меня или молчит, или кричит»).

Принятие всех компонентов внутренней и внешней реальности требует опыта безопасного взаимодействия с воспоминаниями о травматических ситуациях и связанных с ними грубых аффектах, опыта принятия и осмысления этих ситуаций, трансформации аффектов в чувства и переживания. Взаимодействовать с *проекциями* и *интроекциями* клиента психолог может, в первую очередь став их объектом. Е. четко формулирует пожелание к своему аналитику: «Как бы мне хотелось, чтобы Вы были снисходительно обвиняющим и наказывающим, чтобы Вы злились на меня и говорили, что я виновата. Почему Вы не хотите мне подыграть?». Основная задача психолога в этой ситуации — позволить себе почувствовать в отношении Е. агрессию и злость, но не преследовать ее и не наказывать, а говорить о своей злости, оставаясь принимающим и устойчивым. Положительная динамика в этом направлении выражается в том, что Е. через переживание и выражение гнева в адрес

психолога вернет себе свои проекции и примет эмоции. Обратимся снова к словам Е., хорошо выражающим динамику этого процесса: «Я не знаю, чем кто чувствует — телом, мозгом, сердцем, печенкой, селезенкой, но этот неясный мне орган испытывает к вам столько ненависти, что он бы разорвался, если бы я вам сейчас не написала!». Эта агрессия также нуждается в том, чтобы психолог смог ее выдержать и, переработав, вернуть клиенту принятие и понимание, открывающие возможность заботы о себе, своем теле и своих внутренних объектах. Представители теории объектных отношений для определения этого процесса использовали термин «контейнирование» [1; 4; 5; 6; 7; 25]. Формулируя рабочее представление о контейнировании, отмечу, что «хороший» контейнер состоит из двух неразрывно связанных компонентов:

1) *границы*, т. е. соблюдение психологом-консультантом временных и пространственных рамок, поддержание отношений в рамках рабочего альянса, готовность принять ограниченность собственной компетентности (принципиальная готовность обратиться за консультацией к врачу-психиатру или психотерапевту);

2) *забота* о клиенте, состоящая из готовности обеспечить его безопасность в рамках консультативной работы («защитить») и способности наполнить пространство взаимодействия искренним вниманием, интересом и принятием («накормить»).

Все перечисленные направления консультативной работы тесно взаимосвязаны, но даже условное, с точки зрения практики, их разделение представляется чрезвычайно важным для понимания сути происходящих с клиентом процессов и возможности психолога оказывать на них целенаправленное влияние.

Техника консультативной работы крупным планом

Ниже представлены четырнадцатая, пятнадцатая и шестнадцатая сессии, выбранные автором для подробного анализа. Выбор именно этих сессий обусловлен не их особенной содержательностью или успешностью. Напротив, они отражают «обычную» работу, насыщенную ошибками и шероховатостями, ведь именно из нее и состоит практика каждого психолога-консультанта.

В поисках баланса между полнотой записи сессии и включенностью в происходящий в кабинете процесс, (что необходимо для сосредоточенного следования за клиентом) мной используется следующая система записи, в форме таблицы, состоящей из 4 колонок: слова и действия клиента, слова и действия психолога, чувства и мысли психолога, размышления и комментарии. Для статьи табличный вариант был переведен в текстовый, условные обозначения, которые используются далее, представлены в таблице.

Таблица

Условные обозначения, использованные для представления сессий

Обозначение	Расшифровка
К:	Реплики или действия клиента
П:	Реплики или действия психолога
Ч:	Чувства и мысли психолога в процессе работы
Р:	Заочные комментарии и размышления психолога

Сессия № 14

К: Молчание.

Ч: Тревога. Желание начать сессию с вопросов, но важно предоставить инициативу клиенту.

К: Здравствуйте. Я посмотрела «Молчание ягнят». Мне снова очень понравился этот фильм⁴.

Ч: Начало сессии задает ее магистральную тему. «Молчание ягнят» — тема мрачноватая.

П: О чем для Вас сейчас этот фильм?

Ч: Е. начала с символического материала. От него нельзя отмахнуться, но в него важно не слишком погружаться.

К: О соблазнении злом.

Ч: Растерянность. Не говорит ли Е. о том, что психолог — зло, и соблазняет ее? Соблазняет тем, что хочет помочь, тем, что тревожится за нее в самом начале встречи.

Р: Предвосхищающая первые в этой сессии слова тревога, вероятно, говорит о том, что психолог слишком сильно хочет помочь Е.

П: Вам кажется, что заключенный серийный убийца помогает агенту ФБР потому, что хочет ее соблазнить?

Ч: Называние имен героев фильма может сместить акцент разговора с клиента на фильм.

К: Он видит в ней много жизни. Она обращается к нему человечно впервые за 8 лет. Это его привлекает. Ее бессознательно очаровывает фигура заботливого отца. У нее мокрые волосы — он дает ей полотенце. Маньяк из соседней камеры ее обижает — он его убивает. Она очень скована. Он тоже, буквально скован тюрьмой. Они оба чувствуют себя ненужными. Они — жертвы общества.

⁴ Речь идет о художественном фильме «The Silence of the Lambs» режиссера Джонатана Демме, США, 1990 год.

П: Мне кажется, в фильме очень ярко представлены переходы между ролями насильника, жертвы и спасателя⁵.

Р: Е. как будто говорит о своем отношении к психологу. Если герои фильма являются для Е. репрезентациями реальных объектов, то психолог одновременно и человек, впервые за долгое время отнесшийся к ней человечно, и серийный убийца — заботливый отец, заключенный в тюрьму психоаналитической рамки. Соответственно, Е. — одновременно и агент ФБР, и серийный убийца. Роли клиента и психолога в пространстве объектных отношений очень спутаны, и именно этим ощущением продиктована реплика консультанта. М. Фордхам полагает, что, благодаря бессознательным проекциям на аналитика, клиент воспроизводит свой прошлый опыт в ходе сессии. Все, что остается аналитику — дать этим проекциям «адаптированный ответ», т. е. быть для своего клиента «достаточно хорошей матерью-аналитиком». Это означает, что реакции аналитика, прежде всего — интерпретации, должны возникать в каждом случае из его бессознательного, так как ключевую роль в эмоциональных состояниях аналитика играют проективные и интроективные процессы, или взаимодействие переноса и контрпереноса [14]. Именно внимание к динамической составляющей психоаналитической работы (динамике объектных отношений клиента в пространстве проекций и интроекций) принципиально важно при работе с ПРЛ.

К: Что Вы имеете в виду?

П: Помещенный в больницу безжалостный убийца готов быть заботливым спасителем для женщины, обращающейся к нему за помощью. Сам он при этом жертва своего лечащего врача и коварного обмана со стороны самой этой женщины. Главная героиня — жертва с самого детства, и поэтому она так остро стремится спасти. Спасать ягнят. И это позволяет ей легко оказаться насильником, убивая в конце маньяка, сдирающего с девушек кожу. Даже сам главный злодей выступает и в роли спасителя (для этого у него есть беленькая собачка) и жертвы пойманной им дочери сенатора и застрелившей его сотрудницы ФБР.

Ч: Это, пожалуй, слишком развернутый монолог. Не слишком ли психолог увлекся?

Р: Такой длинный и обстоятельный монолог может сформировать у клиента ощущение, что консультант хочет говорить с ней о кино. С кино связана ее будущая профессия, и эта тема наверняка ей интересна и близка. Важно, чтобы Е. не думала, что доставляет психологу удовольствие разговорами о кино, а говорила о себе.

К: Я подожду своей девушке волосы.

П: Угу. *С оттенком легкого удивления.*

⁵ Речь идет о широко известном треугольнике Карпмана.

Ч: Удивление. Е. заговорила о себе и своих отношениях.

К: Мы сидели на траве в парке, и я подожгла своей девушке волосы. Просто зажигалкой. Просто подожгла. Она встала и ушла. Я побежала ее догонять. Догнала. Начала извиняться. Не знаю. *Пауза.* Как Вы думаете, зачем я это сделала?

Ч: Не отвечать! Слишком рано для интерпретаций, слишком мало материала.

П: Вы несколько раз сказали слово «просто». Так, как будто Вы сделали это автоматически. Что Вы почувствовали, когда ваша девушка ушла?

Ч: И все равно получилась интерпретация слова «просто».

К: Я почувствовала, что она уходит, я могу ее вернуть.

П: Вы хотели убедиться в том, что эти отношения можно «склеить»?

Р: Е. нападает на объект, чтобы убедиться в его устойчивости. Объект неустойчив, и Е. вынуждена восстанавливать его сама. Девушка — не автономный активный субъект, а часть внутреннего мира Е.. Это очень яркий элемент параноидно-шизоидной позиции.

К: Да. Пожалуй. *Длинная пауза.*

Ч: Психолог мог бы предложить Е. альтернативную гипотезу причин ее поступка, но важно дать ей время.

К: Еще я почувствовала возбуждение. Сексуальное.

П: Она стала вдруг вашей жертвой?

Ч: Очень необоснованная, пожалуй, даже резковатая реплика.

К: Да. И это тоже очень похоже на правду. Я часто фантазирую о BDSM — отношениях. Мне нравится боль. Это меня возбуждает. Но в отношениях с моей девушкой это, наверное, слишком игра. Это, скорее, смешно.

Ч: Если поджечь человеку волосы зажигалкой, ему не будет больно. Глупая мысль не по делу. Е. говорит о том, что даже боль в ее отношениях с девушкой не по-настоящему. Что же по-настоящему? Что не игра? Ощущение пустоты.

П: Это созвучно вашим фантазиям о совершаемом над вами насилии и самоповреждениях.

Р: Е. рассказывала о таких фантазиях на предыдущих сессиях. Работая с подростками с ПРЛ, автор склонен злоупотреблять припоминанием материала предыдущих сессий и отсроченными интерпретациями, обобщающими некоторый представленный клиентом на протяжении нескольких сессий материал. Это не соответствует как идеи М. Фордхама о первично бессознательной природе интерпретаций, так и идеям, например, У. Биона [1]. Подростки с ПРЛ ощущают внутреннюю пустоту, которая часто ассоциируется у них с чувством ненужности, собственной отвратительности и невыносимости. Припоминание материала предыдущих сессий и отсроченные интерпретации показывают клиенту, что консультант может на протяжении длительного времени думать о нем, а значит, он может за-

нимать какое-то место в пространстве его мыслей. Речь не идет собственно о контейнировании, но скорее о попытке трансляции ощущения значимости, помогающем заполнить внутреннюю пустоту.

К: Боль. Боль это, с одной стороны, возможность что-то почувствовать. Что-то настоящее. *Пауза.* Положительные эмоции — подделка. Только боль и страх — по-настоящему. *Пауза.* С другой стороны — это оправдание для заботы, нежности и мягкости.

Ч: В переживаниях Е. о настоящем и ненастоящем звучит мотив расщепления с неизбежным неприятием части реальности и части себя самой. Боль как оправдание заботы и нежности — принятая Е. модель отношений, приводящая к их нестабильности и крайней эмоциональной насыщенности.

П: Для заботы, нежности и мягкости нужны оправдания? Нужен по-настоящему серьезный повод. Пока у вас его нет, Вы не можете позаботиться о себе, как не можете допустить и «неоправданной» заботы о ближнем. Ваш отец казался вам жалким, когда плакал, проявляя свои чувства к вашей матери. Может быть, он казался вам заслуживающей жалости и заботы жертвой?

Ч: Важно развернуть утверждение Е. на нее саму. Психолог не использовал полноценную интерпретацию, например: «Вы стремитесь причинить себе вред и фантазируете о том, что кто-то агрессивен в отношении вас потому, что только это даст вам право на любовь и заботу», а снова использует материал предыдущих сессий — то, что Е. сообщила о своем отце. Сессия началась с образа отца и сделала круг.

Р: В словах консультанта чувствуется агрессия. Его бессознательное в отношении с Е. пробует примерить разные роли треугольника: от тревоги спасителя в начале сессии к агрессии насильника в конце. Эти содержания последовательно или параллельно размещает в психологе Е.? Это то, как мир реагирует на нее?

К: Нет. Я так не хочу. Но за пределами этого треугольника я ничего не чувствую.

Ч: За пределами треугольника — пустота?

П: Буквальное разыгрывание одной из этих ролей всегда разрушительно. Но нам всегда есть, за что пожалеть себя и окружающих на символическом уровне. Любовь все окупает.

Ч: Неловкая и скомканная попытка наметить путь от буквального (acting out) к символическому (playing out) воплощению роли. Безусловно, к этой теме еще предстоит вернуться.

Сессия № 15

К: Я снова дома у родителей, и это ужасно. Я чувствую себя никак и пишу повесть о безысходности. Мы с девушкой прощались в аэропорту.

Прощание в аэропорту это очень романтично. Она осталась в Москве, а я полетела дальше. Я должна чувствовать мозгом грусть. И я ее чувствую. Но в то же время и не чувствую по-настоящему. Девушка жалуется мне на какие-то мелочи, а мне никак, я только формально ее поддерживаю. Я просто знаю, что сказать ей, чтобы поддержать. Я хотела сказать Вам, что после нашего последнего разговора прекратились мои вспышки агрессии к моей девушке. Я невероятно этому рада.

Ч: Е. начинает говорить очень многословно и о себе. В ее словах тема соотношения настоящего и не настоящего связывается с темой соотношения чувств и мыслей. Нет ощущения, что Е. специально готовилась и «накапливала» этот материал. Ее речь скорее спонтанная.

Р: То, о чем говорит Е., можно описать в категориях «ложного Я», которое «чувствует мозгом» и «истинного Я», которое как будто ничего не чувствует, «чувствует себя никак» [25].

П: Что Вы чувствуете сейчас?

К: Пустота. *Пауза.* Как будто две недели каникул мне приснились. Как будто ничего этого и не было. Я подумала, что мне должно быть очень плохо, чтобы я поняла, что мне было хорошо.

Р: Там, где должны быть чувства — пустота, и Е. снова подвергает сомнению собственный опыт, не ощущает реальности того, что с ней совсем недавно происходило. Е. быстро переходит от чувств к образам, а потом к размышлениям. Это защищает ее от пребывания в чувствах. Важно мягко постепенно прерывать эти переходы и удерживать чувства вместе с ней.

П: Угу. *С оттенком легкого удивления, приглашающего что-то прояснить.*

К: Сейчас я чувствую себя пустой. Я скоро поругаюсь с родителями, и пустота уйдет: она наполнится гневом, болью, чувством вины. Пустота это чувство, что я это не я. Здесь я не та же самая я, что и со своей девушкой.

Р: В этой реплике Е. очень точно раскрывает связь ощущения пустоты (вызванного отказом от эмоций), чувства, что части реальности и ее собственного опыта «не настоящие» и с искажением образа «Я». И при этом Е. сообщает о том, от каких именно чувств и переживаний защищается, отказываясь от эмоций.

П: Мне кажется, Вы говорите о том, что не хотите ничего взять из двух недель каникул домой к родителям. Вы боитесь, что все хорошее и живое в вас будет искажено или уничтожено их вторжением. Вы говорите только про прошлое или будущее: про прошедшие каникулы с девушкой, которые кажутся вам сном, и про то, чем заполнится пустота после первого скандала с родителями. Но где же настоящее? Настоящее пусто и страшно.

Ч: «Настоящее» — то, что по-настоящему (истинное собственное переживание) и то, что в настоящем (не в прошлом и не в будущем). Быть по-настоящему и в настоящем для Е. очень тяжело.

Р: Эта интерпретация состоит из двух частей: собственно интерпретации (Мне кажется, Вы говорите..., *потому что* Вы боитесь...) и попытки ее закрепления.

К: Вы считаете, что я не права в том, что так демонизирую своих родителей? Вы считаете, что я все это излишне драматизирую? Может быть, на самом деле со мной никогда не происходило ничего страшного.

Ч: Ей показалось, что я обесцениваю ее чувства и подвергаю их сомнению? Наверное, интерпретация иногда может быть воспринята именно так. Упоминание демонизации очень важный для нашей работы момент.

Р: Для Е. очень тяжело согласиться с истинностью своих чувств, так как они ужасны, и она предпочитает обходиться без них. В этой реплике Е. просит меня подтвердить «правомерность» ее чувств и при этом не испугаться их.

П: Я думаю, что Вы напрасно ищете логические и «объективные» основания для своих чувств. Переживания невозможно сравнить и сопоставить. Нет ничего важнее и правдивее ваших «субъективных» чувств. Вы можете попробовать доверять им.

Ч: Пожалуй, это излишне директивная фраза — прямое указание на то, что Е. надлежит делать. Но в данном случае некоторая директивность уместна.

К: Вы говорите об интуиции? Моя интуиция говорит, что мне скоро наступит конец. Мне очень плохо. Очень пусто. Мне приснился очень страшный сон. Я просто дома. Я маленькая девочка. Дома мама и папа. Мама просит меня начать собираться. Мы должны куда-то идти. Ничего страшного не происходит, но мне жутко страшно.

Ч: Снова Е. стремительно ускользает из пространства своих чувств в образы. Сейчас она на образах и останавливается. Это первое упоминание о сновидении за время нашей работы.

Р: Снова слово «просто», оно ассоциируется со словом «просто» из рассказа о подожженных волосах девушки. Можно было бы обратить внимание Е. на это, и сосредоточить внимание на ее сне, и это было бы оправдано с точки зрения содержания бессознательного Е., но не с точки зрения динамики работы.

П: О чем для вас этот сон?

К: О том, что самая заурядная ситуация дома у родителей кажется мне ужасной. *Пауза.* Мои чувства сейчас подсказывают мне, что единственный для меня выход — это алкоголь, наркотики и оргии. Я очень хочу наесться амфетамина, напиться и провалиться в сон. Должна ли я доверять этим своим чувствам?

Ч: Вопрос Е. вызывает тревогу.

П: Конечно, да! Но должны ли Вы делать все это? Не уверен. Довестись чувствам не значит отреагировать их буквально. Есть два способа не чувствовать: «чувствовать мозгом» и буквально отреагировать. Важно разрешить себе свои чувства, услышать себя. Но услышав, не действовать, а пережить. Не буквально, но символически.

Ч: Ответ представляется спорным, но быть последовательным и честным — принципиально важно. Работа вернулась к финалу предыдущей сессии, это создает ощущение целостности и целенаправленности работы.

К: Алкоголь, наркотики, оргии.... Да, это буквальное бегство. Но что же символически?

Ч: Этот вопрос может означать, что Е. поняла и приняла предыдущую реплику психолога.

П: *Пауза.* Повесть о безысходности. Это символическая история о Вас самой здесь и сейчас. Не в прошлом и не в будущем.

Ч: Консультант ждет, что Е. сама ответит на свой вопрос, но этого не происходит и работа вернулась к первой реплике Е. на этой сессии.

Р: Повесть — собственное символическое пространство Е., важно включить его в процесс консультирования.

К: *Пауза.* Чувство. Я чувствую. Я чувствую тупик. Конец и бессмысленность. Я как будто в лабиринте и зашла в тупик....

Ч: Е. начинает говорить о своих чувствах, но говорит все равно об образах.

П: Тупик.... Для меня тупик окрашен совсем иначе. Совсем не так негативно. Тупик это повод взять в руки лопату и начать копать. Именно в процессе копания ямы образуется куча земли, которая поможет перебраться через стену лабиринта, заглянуть за нее.

Ч: Говорить честно о своих образах и чувствах. Уместно ли это? Не воспримет ли Е. это как попытку что-то навязать ей?

К: Что могла бы сделать моя мать? Могла ли она отреагировать свои чувства ко мне не буквально?

Ч: Е. быстро схватывает и тут же пытается применить новое знание к своим взаимоотношениям с матерью.

П: Да, могла. Вы ищите для нее оправдание, пытаетесь сделать из нее жертву. Но это ни к чему не приведет. Вам придется согласиться с тем, что она делала то, что делала, и у нее был выбор. Только признав это, Вы сможете когда-нибудь ее простить.

Ч: Это магистральный мотив работы с Е.: принять отчужденное, согласиться на чувства и позаботиться о себе.

Сессия № 16

К: Я по-прежнему дома. Мне странно, как легко просочился в мою жизнь амфетамин. Я не ругаюсь с девушкой. Мы очень хорошо с ней сей-

час общаемся. Я скучаю по ней. Вы знаете это чувство? Мне как будто чего-то не хватает. Я хочу ей что-то сказать и понимаю, что ее нет рядом. Я гуляла по лесу, разговаривала с ней по телефону и встретила агрессивную пьяную компанию. У меня снова появилась фантазия об агрессии в мой адрес, а она говорила мне милую дребедень, какие-то клише. Я ненавижу клише. Я была раздражена. Но просто порадовалась вместе с ней.

Ч: Сессия началась с развернутого рассказа Е. о своих чувствах, но упоминание амфетамина вызывает тревогу. Е. говорит о своих чувствах, и сомневается в том, что они есть у ее психолога. Это похоже на прогресс.

П: Угу. *Просто заинтересовано.*

К: Пришли результаты моих экзаменов. Они отличные. Отец ничего не сказал. Обидно немного. Мама пьет. Я дописываю повесть. Я высылала Вам кусочек. Вы прочитали?

Ч: Монолог о чувствах к девушке быстро приходит к отношениям с отцом и матерью. Очевидно, это наиболее эмоционально насыщенная тема.

П: Да. Мне понравился стиль, и язык очень легкий.

Р: Стоило ли хвалить Е.? Для автора важно поддержать ее работу над повестью как возможность символического пространства для ее переживаний. Но не воспринимается ли это так, что «плохой отец» не похвалил за академические успехи, а «хороший отец — психолог» похвалил за писательский труд? В аналитической работе, особенно в случаях ПРЛ, непросто соблюсти грань между тем, чтобы в достаточной степени «включиться» в динамику объектных отношений клиента и остаться непредвзятым и «достаточно отстраненным» аналитиком. Нередко кажется, что внимательное следование за клиентом и постоянное отслеживание психологом своего контрпереноса требует некоторой диссоциации. Но на самом деле, это не два различных процесса, а единый процесс взаимных согласованных проекций и идентификаций [16]. Именно наблюдение за этим процессом в его динамике позволяет следовать за клиентом, не оставляя без внимания внутренних процессов аналитика.

К: Ого! Здорово. Мне очень приятно.

П: У... *Коротко и утвердительно.*

Ч: Значение для Е. моей похвалы заслуживает подробного обсуждения, но не в формате данной статьи.

К: На следующей неделе я поеду в Петербург. Проведу там два дня с девушкой.

П: Угу! *Радостное удивление.*

К: Отношения на расстоянии это очень странно. Я хотела бы ее трогать.

Ч: Е. затрагивает очень важную и объемную тему. Она встречается с девушкой, отношения с которой возможны только на расстоянии. Более того, она нашла для себя психолога, работа с которым возможна только на расстоянии. Подробное обсуждение этой темы, безусловно, может

быть очень плодотворным, но приведет к фиксации нашего внимания на значительном по объему материале, а сейчас, в начале работы, более важным видится динамический аспект.

П: Угу. *Понимающее.*

К: Я уверена, что мне тяжелее, чем ей. Она очень легко переключается, а я вязкая.

Ч: Е. как будто слышит мои мысли о том, что мы можем увязнуть в значимых для нее темах.

Р: В этом фрагменте хорошо видно, как взаимные проекции и интроекции создают общее символическое поле между психологом и клиентом.

П: Угу. *Понимающее.*

К: Мне предстоит жить в другой стране и это очень страшно. Я боюсь там потеряться. Я никого там не знаю. Я нигде не чувствую себя дома. Я хочу бежать все дальше и дальше от дома моих родителей. Я люблю шум и скопления людей. Мне нравятся большие города.

Р: Е. снова ускользает из настоящего в будущее. Важно вернуться вместе с ней в настоящее и связать то, что она говорит сейчас с предыдущими темами.

П: Я подумал сейчас, что Вы говорите о девушке, как о своей детской или может быть женской части. А Вы как будто взрослый мужчина: серьезный, строгий и рациональный. Вы говорите об огромном расстоянии и настоящей близости, стремлении почувствовать себя дома и предстоящей жизни в незнакомом Вам большом шумном городе. Вы как будто наполнены очень противоречивыми чувствами. Иногда эти противоречия становятся невыносимыми, и Вы подменяете их пустотой, наркотиками, болью. Но от этого они никуда не денутся.

Ч: Автор поспешил с этим развернутым монологом и совершенно напрасно соединил в нем две важные темы: соотношение мужского и женского с амбивалентностью. Такие тяжелые интерпретации необходимо лучше готовить.

Р: Ошибки психолога являются неизбежной и необходимой частью работы. Допущенная ошибка может нанести серьезный вред процессу анализа и психологическому состоянию клиента, если остается неосознанной и неисправленной. В том случае, если специалист сумел увидеть слабые стороны своей работы, осознать причины происходящего, увидеть истинный смысл своих ошибок, правильно этот смысл интерпретировать и внести коррективы в процесс, то ошибки становятся важным ресурсом и инструментом консультативной практики, привносят в нее элементы реальности.

К: *Длинная пауза.* Да, похоже, это действительно так. Очень много противоречий. Их ведь можно как-то примирить? Как-то внутри себя. Символически.

П: Угу. *Поддерживающее и, пожалуй, слишком воодушевленное.*

Ч: Это «угу» надо было сказать спокойнее. В случаях ПРЛ кажущаяся сиюминутная «динамика», скорее всего, обманчива. Важно чуть меньше увлекаться.

К: Мужское и женское. Кто же мужчина?

П: Из того, что Вы говорили и как Вы говорили об этом, мне показалось, что ваши отношения с девушкой призваны, в первую очередь, формально отличаться от отношений ваших родителей. Они гомосексуальны и поддерживаются на расстоянии. Но что происходит в этих отношениях на самом деле, содержательно?

Р: Е. как будто готова на все, лишь бы не повторить родительский жизненный сценарий. Она строит диаметрально противоположные по формальным признакам отношения, в которых, при этом, не чувствует ничего настоящего. Психолог старается обратить внимание Е. на то, что, отказываясь от формальной стороны родительских отношений, она не гарантирует себя от повторения содержательной стороны этих отношений.

К: Мой отец на одном из семейных праздников сказал, что для него мама — любовница и дочь одновременно. Я подумала, что мама вытеснила меня из роли дочери моего отца. А кто же тогда я в нашей семье? Как Вы думаете, смогу ли я преодолеть сценарий моих родителей?

Ч: Е. говорит о том, что для нее нет места в ее родительской семье. Видимо, это во многом определяет специфику ее объектных отношений. Слово «сценарий» я не произносил.

П: У... *Поддерживающее.*

К: *Длинная пауза.* Как Вы думаете, если наша работа будет успешной, я брошу свою девушку, и у меня будут нормальные отношения.

П: Я не знаю, бросите Вы свою девушку или нет. Но Вы сможете выбирать. Люди часто делают что-то не потому, что хотят этого, а потому, что не знают, как можно иначе. Цель психологической работы в том, чтобы человек получил возможность по-настоящему выбирать.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-06-10106.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бион У.Р.* Научение через опыт переживания: пер. с англ. М.: «Когито-Центр», 2008. 128 с.
2. *Винникотт Д.В.* Пигля: Отчет о психоаналитическом лечении маленькой девочки: пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 176 с.
3. *Кернберг О.Ф.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии: пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2014. 464 с.

4. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: в VII т. Т. I. «Развитие одного ребенка» и другие работы 1920—1928 гг. Ижевск: ИД «ERGO», 2008. 374 с.
5. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: в VII т. Т. II. «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929—1942 гг. Ижевск: ИД «ERGO», 2007. 386 с.
6. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: в VII т. Т. V. «Эдипов комплекс. Работы 1945—1952 гг. Ижевск: ИД «ERGO», 2009. 312 с.
7. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: в VII т. Т. VI. «Зависть и благодарность» и другие работы 1955—1963 гг. Ижевск: ИД «ERGO», 2010. 320 с.
8. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе: пер. с англ. М.: «Класс», 1998. 480 с.
9. *Меновицков В.Ю.* Что такое психологическое консультирование на самом деле: в интернете и без него? // Психологическое консультирование онлайн. 2012. № 1. С. 44—66.
10. *Роджерс К.Р.* Консультирование и психотерапия. Случай Герберта Брайена: пер. с англ. М.: ИОИ, 2015. 185 с.
11. *Рождественский Д.С.* Пограничная личность. СПб: Б&К, 2006. 160 с.
12. *Чуркин А.А., Мартюшов А.Н.* Краткое руководство по использованию МКБ-10 в психиатрии и наркологии. М.: Триада-Х. 232 с.
13. *Diagnostic and Statistical Manual (4rd Edition) (DSM-IV).* Washington, D.C: Amer. Psychiatric Press, 1994. 866 p.
14. *Fordham M.* Notes on the Transference // *Technique in Jungian Analysis* / In M. Fordham (ed.). L.: Karnac Books, 1989. P. 105—111.
15. *Fordham M.* Countertransference // *Technique in Jungian Analysis* / In M. Fordham (ed.). L.: Karnac Books, 1989. P. 130—137.
16. *Fordham M.* Some Idiosyncratic Behaviour of Therapist // *Journal of Analytical Psychology.* 1978. Vol. 23 (2). P. 123—129.
17. *Kernberg O.F.* Borderline personality organization // *Journal of the American Psychoanalytic Association.* 1967. № 15 (3). P. 641—685.
18. *Kernberg O.F.* Severe Personality Disorders: Psychotherapeutic Strategies. New Haven, CT: Yale Univ. Press. 1984. 396 p.
19. *Likerman M., Urban E.* The roots of child and adolescents psychotherapy in psychoanalysis // M. In Lanyado, A. Horne (eds.). *The Handbook of Child and Adolescents Psychotherapy.* L.: Routledge, 2010. P. 19—30.
20. *Linehan M.M., Heard H., Armstrong H.E.* Naturalistic follow-up of a behavioral treatment for chronically suicidal borderline patients // *Arch. Gen. Psychiat.* 1993. Vol. 50 (2). P. 971—974.
21. *Paris J., Zweig-Frank H., Guzder H.* The role of psychological risk factors in recovery from borderline personality disorder // *Comprehensive Psychiatry.* 1993. Vol. 34 (6) P. 410—413.
22. *Stone M.H.* Individual psychotherapy with victims of incest // *Psychiatry Clinic N. Amer.* 1989. Vol. 12 (2). P. 237—256.
23. *Urban E.* Fordham, Jung and the Self: a re-examination of Fordham's contribution to Jung's conceptualisation of the self // *Journal of Analytical Psychology.* 2005. Vol. 50 (5). P. 571—594.
24. *Waddell M.* Inside Lives: Psychoanalysis and the Growth of the Personality. L.: Karnac Books, 2002. 288 p.

25. Winnicott D.W. Ego Distortion in Terms of True and False Self // *The Maturation Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development*. L.: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1965. P. 140—152.
26. Zanarini M.C., Gunderson J.G. Childhood experience of borderline patients // *Comprehensive Psychiatry*. 1990. Vol. 30 (1). P. 18—25.

ANALYTICAL WORK WITH A TEENAGER CLOSE-UP: A CASE STUDY

A.V. SORIN*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, sorintowa@list.ru

Three psychoanalytical sessions of a teenager with symptoms of borderline personality disorder (BPD) are described. BPD is interpreted as an independent syndrome, characterized by a specific background, which needs certain strategies of psychological assistance. Characteristics of this syndrome and related psychological defense mechanisms are described. Strategy, tactics and technique of consulting are based on the goal — to enhance the quality of client's adaptation to reality, which is not identical to the experience acquired in the family. Theoretical basis of consulting is object relations theory; the idea of containment is regarded as a determinant of overcoming primitive defenses and reconstruction of integral perception of reality by borderline personality.

Keywords: adolescents, borderline personality disorder, analytical work, object relations theory, defense mechanisms.

Acknowledgements

This work was supported by grant Russian Foundation for Humanities № 15-06-10106.

REFERENCES

1. Bion U.R. Nauchenie cherez opyt perezivaniya: per. s angl. [Learning from experience]. Moscow: «Kogito-Tsentr», 2008. 128 p. (In Russ.).
2. Vinnikott D.V. Piglya: Otchet o psikhoanaliticheskom lechenii malen'koi devochki: per. s angl. [The piggle: An account of the psychoanalytical treatment of a little girl]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass», 1999. 176 p. (In Russ.).

For citation:

Sorin A.V. Analytical Work with a Teenager Close-Up (A Case Study). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2016. Vol. 24, no. 1, pp. 130—150. doi: 10.17759/cpp.20162401009. (In Russ., abstr. in Engl.)

* Sorin Anton Valentinovich, PhD in Psychology, Assistant Professor on the Chair of Educational Psychology and Pedagogy, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, email: sorintowa@list.ru

3. Kernberg O.F. Tyazhelye lichnostnye rasstroistva: Strategii psikhoterapii: per. s angl. [Severe personality disorders: Psychotherapeutic strategies]. Moscow: Nezisimaya firma «Klass», 2014. 464 p. (In Russ.).
4. Klyain M. Psikhoanaliticheskie trudy: v VII t. T. I. «Razvitie odnogo rebenka» i drugie raboty 1920—1928 gg. [*Psychoanalytical works. «The Development of a Child» and other works 1920—1928*]. Izhevsk: ID «ERGO», 2008. 374 p. (In Russ.).
5. Klyain M. Psikhoanaliticheskie trudy: v VII t. T. II. «Lyubov', vina i reparatsiya» i drugie raboty 1929—1942 gg. [*Psychoanalytical works. «Love, Guilt and Reparation» and other works 1929—1942*]. Izhevsk: ID «ERGO», 2007. 386 p. (In Russ.).
6. Klyain M. Psikhoanaliticheskie trudy: v VII t. T. V. «Edipov kompleks. Raboty 1945—1952 gg. [*Psychoanalytical works. «Oedipus Complex in the Light of Early Anxieties» and other works 1945—1952*]. Izhevsk: ID «ERGO», 2009. 312 p. (In Russ.).
7. Klyain M. Psikhoanaliticheskie trudy: v VII t. T. VI. «Zavist' i blagodarnost'» i drugie raboty 1955—1963 gg. [*Psychoanalytical works. «Envy and Gratitude» and other works 1955—1963*]. Izhevsk: ID «ERGO», 2010. 320 p. (In Russ.).
8. Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika: ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse: per. s angl. [Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process]. Moscow: «Klass», 1998. 480 p. (In Russ.).
9. Menovshchikov V.Yu. Chto takoe psikhologicheskoe konsul'tirovanie na samom dele: v internete i bez nego? [What is psychological counseling in reality: in the Internet or without it?]. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie onlain [Online Counseling]*, 2012, no. 1, pp. 44—66.
10. Rodzhers K.R. Konsul'tirovanie i psikhoterapiya. Sluchai Gerberta Braiena: per. s angl. [Counseling and Psychotherapy: Newer Concepts in Practice]. Moscow: IOI, 2015. 185 p. (In Russ.).
11. Rozhdestvenskii D.S. Pogranichnaya lichnost' [Borderline Personality]. St. Petersburg: B&K, 2006. 160 p.
12. Churkin A.A., Martyushov A.N. Kratkoe rukovodstvo po ispol'zovaniyu MKB-10 v psikhiiatrii i narkologii [Brief guide to application of ICD-10 in psychiatry and narcology]. Moscow: Triada—Kh. 232 p.
13. Diagnostic and Statistical Manual (4rd Edition) (DSM-IV). Washington, D. C: Amer. Psychiatric Press, 1994. 866 p.
14. Fordham M. Notes on the Transference. *Technique in Jungian Analysis*. In M. Fordham (ed.). L.: Karnac Books, 1989, pp. 105—111.
15. Fordham M. Countertransference. *Technique in Jungian Analysis*. In M. Fordham (ed.). L.: Karnac Books, 1989, pp. 130—137.
16. Fordham M. Some Idiosyncratic Behaviour of Therapist. *Journal of Analytical Psychology*, 1978. Vol. 23, no. 2, pp. 123—129.
17. Kernberg O.F. Borderline personality organization. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1967. Vol. 15, no. 3, pp. 641—685.
18. Kernberg O.F. Severe Personality Disorders: Psychotherapeutic Strategies. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1984. 396 p.
19. Likerman M., Urban E. The roots of child and adolescents psychotherapy in psychoanalysis. In Lanyado M., Horne A. (eds.). *The Handbook of Child and Adolescents Psychotherapy*. L.: Routledge, 2010. P. 19—30.

20. Linehan M.M., Heard H., Armstrong H.E. Naturalistic follow-up of a behavioral treatment for chronically suicidal borderline patients. *Arch. Gen. Psychiat*, 1993. Vol. 50, no. 2, pp. 971—974.
21. Paris J., Zweig-Frank H., Guzder H. The role of psychological risk factors in recovery from borderline personality disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 1993. Vol. 34, no. 6, pp. 410—413.
22. Stone M.H. Individual psychotherapy with victims of incest. *Psychiatry Clinic N. Amer*, 1989. Vol. 12, no. 2, pp. 237—256.
23. Urban E. Fordham, Jung and the Self: a re-examination of Fordham's contribution to Jung's conceptualisation of the self. *Journal of Analytical Psychology*, 2005. Vol. 50, no. 5, pp. 571—594.
24. Waddell M. *Inside Lives: Psychoanalysis and the Growth of the Personality*. L.: Karnac Books, 2002. 288 p.
25. Winnicott D.W. Ego Distortion in Terms of True and False Self. *The Maturation Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development*. London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1965, pp. 140—152.
26. Zanarini M.C., Gunderson J.G. Childhood experience of borderline patients. *Comprehensive Psychiatry*, 1990. Vol. 30, no. 1, pp. 18—25.